

о необходимости повышения психологической культуры, а о необходимости смены научных парадигм; декларируется усталость от академической психологии, что, к сожалению, может восприниматься как призыв к свертыванию и так обескровленным недофинансированием экспериментальных и эмпирических исследований, которые во все времена и во всех странах только и могут быть основой фундаментальной научной психологии.

И, наконец, о главном тезисе Юревича, согласно которому психология находится между Сциллой позитивизма и Харибдой феноменализма, и ее спасение — в смене методологических парадигм. Если позитивизмом, как мы разобрались выше, автор называет традиционные эмпирические исследования, то с понятием феноменализма все обстоит сложнее. Не знаю насколько удачен сам этот термин, но та проблема, которой он обозначен, реально существует в методологии психологии и заслуживает чрезвычайно серьезного рассмотрения. Суть этой проблемы в следующем: в какой мере предметом сегодняшней психологии являются психологические феномены как продукты психологического отражения, а в какой — порождающие это отражение процессы, и можно ли по продуктам отражения исследовать процессы их порождения. Автор, описывая парадигмы феноменализма, по существу подошел со своих позиций к пониманию необходимости создания трансцендентальной психологии, занимающейся порождающими процессами отражения, как ее назвал основоположник этой новой области психологии А.И. Миракян, руководивший до 1995 г. лабораторией моделирования психических про-

цессов ПИ РАО и разрабатывавший эту проблему более двадцати лет. К сожалению, Миракян рано ушел от нас и заложил лишь основные принципы новой психологической парадигмы, названной им антифизикалистской. Но для предмета нашей дискуссии важно подчеркнуть, что он не был так категоричен, как Юревич, и считал, что новые психологические парадигмы откроют новую неизученную область порождающих процессов отражения, притом что и субъектная реальность его психологических феноменов будет продолжать оставаться предметом научных исследований. И, более того, Миракян никогда не отрицал возможностей исследования трансцендентальных процессов с помощью экспериментальных и количественных методов при условии преодоления ограничения феноменализма в выдвижении гипотез, планирования исследования и выбора методов анализа его результатов.

Итак, нужна ли смена методологических парадигм в психологии? На мой взгляд, именно сосуществование нескольких парадигм в психологии, представленных различными ее школами и направлениями, только и могут на данном этапе развития психологии обеспечить системное исследование психологической реальности. И будущее психологии — это преодоление противостояния различных ее направлений, использование в конкретных эмпирических и теоретических исследованиях всего накопленного позитивного багажа разработанных подходов и методов при ясном понимании их возможностей и ограничений соответственно предмету, задачам и целям исследования.

ДИСКУССИИ

ПОЗИТИВИЗМ УМЕР, ДА ЗДРАВСТВУЕТ...?

© 2001 г. Т. Д. Марцинковская

Доктор психол. наук, зав. лабораторией ПИ РАО

Статья А.В. Юревича удивительно своевременна и актуальна, так как разговор о современном состоянии методологии психологической науки уже давно назрел и имплицитно входит в большинство современных дискуссий о путях развития как теоретической, так и практической психологии.

Разочарование в объективной психологии, которое проявляется во многих устных и печатных выступлениях психологов, даже само нежелание организовать методологический семинар или “круглый стол” (не нужно, устали и т.д.) во многом справедливо, однако разочарование в естественнонаучной психологии еще не значит, что она должна обходиться без методологии как таковой. Этот путь приведет к деградации психологии как науки, к тому, что вскоре уже не останется видимой грани между научной и житейской психологией, колдунами и священниками. Фундаментальная наука, в том числе и психология, не может обойтись без методологической рефлексии, не должна оставаться в границах чистой эмпирики, даже не пытаюсь объяснить полученные факты. В противном случае на ее месте разрастается сакральная псевдонаука, которая оперирует не фактами, но установками, основанными на разнообразных верованиях, в том числе и религиозных (например, христианская психология), либо прикладные работы, разнообразные тренинги, методы диагностики и терапии, что функционально приближает психологические воздействия к действиям колдунов и экстрасенсов, возвращая психологию к средневековому состоянию. Еще одной ипостасью прикладной психологии становится образование, разработка учебных пособий и курсов. Однако ни терапия, ни обучение не развиваются сами по себе без опоры на фундаментальную науку, задыхаются без новых теорий и современных данных, адекватных новым социальным условиям.

Конечно, легче всего было бы списать нынешнее состояние отечественной психологии на социальную ситуацию, действительно не способствующую развитию фундаментальных наук. Однако работа отдельных лабораторий и институтов, в которых продолжают теоретические исследования (тем более, что психологические эксперименты, как правило, не требуют столь дорогостоя-

щего оборудования как в физике и биологии), опровергает это предположение. Не соответствует ему и положение в мировой психологии, также переживающей, по меткому замечанию Юревича, “усталость от позитивизма”. Да и влияние социальной ситуации никогда не бывает столь однозначным и прямым, чтобы привести к глобальному методологическому кризису.

О том, что методологические проблемы психологии связаны с ее собственной логикой развития, говорит и сопоставление современной ситуации с той, что сложилась в начале XX века, когда требования, постулируемые практически всеми учеными того времени, сводились к построению позитивной психологии, перестройке классической науки на основе новой методологии и поиску нового, объективного метода исследования психики. Похожую ситуацию испытывает и современная психология, хотя сегодня сложилась обратная ситуация – необходимость модификации естественнонаучной, позитивной психологии, которая не в состоянии решить всех проблем, встающих перед ней.

Интересен тот факт, что сходное положение наблюдалось в российской науке на рубеже XIX–XX вв. Уже тогда прозвучал первый сигнал о том, что объективная психология не в состоянии ответить на многие вопросы, связанные с духовной жизнью людей, их потребностью в творчестве, самореализации, умением преодолеть давление среды и т.д. Именно в этот период возникает духовная философия В. Соловьева, отразившаяся и во многих психологических концепциях того времени (Лопатина, Франка, Лосского и других).

Опасность ориентации исключительно на позитивизм видели не только отечественные исследователи, хотя в России того времени критика позитивизма была особенно активной, что возможно связано и с отмеченной Юревичем “иррационализацией” общественной жизни», свойственной российской действительности во все времена. Известный немецкий ученый Э. Гуссерль также писал о том, что и социология, и психология имеют дело не только с естественной, но и искусственной средой, причем сама социальная действительность есть продукт нашего знания о ней. Поэтому тра-

диции естественнонаучного знания не применимы для изучения психологических явлений.

О специфике психологического эксперимента и опасности перенесения на него требований позитивизма вдумчивые психологи говорили еще при зарождении экспериментальной психологии. Ведь не существовало (как нет и в настоящее время) прямого и объективного способа изучения чужой души. В этом плане постулат А.И. Введенского о метафизическом характере утверждения существования чужой души также сохраняет свою силу. В то же время психологический эксперимент призван не только установить связь между внешними проявлениями, деятельностью и внутренними состояниями субъекта, но и проинтерпретировать ее. При этом всегда возникает субъективность в толковании полученных фактов, также как и сомнения в истинности не столько их самих, сколько в их связи с означенным психологическим феноменом.

Однако такой субъективности избежать при анализе психологических явлений совершенно невозможно, так как испытуемый не только объект эксперимента, но и всегда его субъект, приносящий свою мотивацию, опыт и способности в его результаты. Активен и исследователь, который на основании своего опыта, целей, установок и конструирует, и интерпретирует данные. Еще Н.Я. Грот сказал, что мы судим по слезам, появляющимся у собеседника, о том, что он расстроен, но делаем это на основании собственного опыта, приходя иногда и к ошибочным заключениям о состоянии испытуемых. При этом плохо не то, что мы не можем избежать этой специфики, но то, что мы ее не учитываем в силу позитивистских установок об "объективности полученных при эксперименте данных", которые не становятся более объективными и после обработки при помощи методов математической статистики.

Использование математической обработки и большого количества разнообразных методик рассматривается многими современными психологами как панацея от психологической субъективности, однако на деле это приводит к еще большему искажению фактического материала. Многие диссертации, не только кандидатские, но и докторские, вызывают недоумение сочетанием используемых в них методик, противоречащих друг другу по своей природе, а иногда даже взаимоисключающих. Но некоторые исследователи как бы не замечают (а может, и действительно не замечают) того факта, что полученные таким образом данные исследуют разные аспекты психологической реальности, а потому могут лишь до-

полнять, но не отождествлять или подтверждать друг друга.

Не меньше вопросов вызывает и применение математической обработки, которая, как создается впечатление, просто прикрывает отсутствие психологически достоверной связи между изучаемыми явлениями, вместо чего дается коэффициент корреляции. Так ценные приобретения Гальтона и Пирсона оборачиваются своей противоположностью.

Сходные проблемы возникают и в практической психологии: отсутствие достоверных методов диагностики или коррекции стремится возместить не очень внятные псевдопсихологическими объяснениями, что приближает ее к парапсихологии и мистике, которые, как это было справедливо отмечено в статье А.В. Юревича, все больше стремятся походить на науку.

Конечно, позитивная психология обладает не только одними недостатками, недаром в начале XX в., несмотря на опасения многих ученых, ее преимущества были очевидны. Много проблем, доступных объективному исследованию, еще ждало своего решения, не все они решены и сегодня. Однако время показало, что отход от философии не только не продуктивен, но и вреден для психологии. Проверимость и повторяемость – критерии метода в позитивизме – не могут в полной мере быть распространены на психологию, где внутренние состояния всегда изменчивы, всегда являются "потокосознания" (психики), в который "сложно войти дважды".

Непродуктивность доминирующей ориентации на позитивизм вытекает и из того, что психология не только естественная наука, но и гуманитарная. К ней неприменима идея прогресса, адекватная для техники, точных наук. Ведь в предмет психологии входят категории личности, мотивации, общения, которые остаются достаточно стабильными и неизменными. Ни человек, ни общество, которое он строит, ни взаимоотношения (и, следовательно, психологические проблемы, связанные с их решением) не претерпели существенного прогресса, несмотря на упования ученых и художников.

Конечно, никто не призывает к отказу от достижений естественнонаучной психологии, однако строить науку только на этом фундаменте, как показал более чем столетний опыт, неперспективно. Возможно психологам действительно нужно преодолеть эгоцентризм собственных позиций, без чего невозможно развитие психологии в XXI веке. Сам факт появления статьи Юревича и ее широкого обсуждения свидетельствует о том, что время для этого назрело.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

БЕСЕДЫ С ЖАНОМ ПИАЖЕ*

© 2001 г. Жан-Клод Бранжье

Беседа десятая

(Май-июнь, 1969):

ФЕНОКОПИЯ

Бранжье: В действительности, всю Вашу работу можно описать одним-единственным словом, которое, как я слышал, Вы употребили однажды, – “конструктивизм”.

Пиаже: Да, это абсолютно верно. Знание – это не копия объекта, как и не осознание априорных, предустановленных, субъективных форм. Знание – это постоянное конструирование, осуществляемое посредством обмена, с биологической точки зрения, между организмом и окружающей средой, и, с когнитивной точки зрения, между мышлением и его объектом.

Бранжье: Вы только что употребили слово “биология”. Вы вернулись назад к биологии?

Пиаже: Нет, я не вернулся к ней – я просто никогда ее не оставлял.

Бранжье: Я знаю, что это связано с исследованиями...

Пиаже: О да, но я обнаружил новые факты (Молчание. Он думает о том, как представить это наилучшим образом). Основная проблема знания, поскольку оно не является копией реальности, копией объектов, это способ реконструирования реальности. Другими словами, реальность, конечно, должна быть познана, но – посредством воссоздания ее через дедукцию и внутреннее конструирование. Так, в биологии главная проблема состоит во взаимоотношениях между организмом и окружающей средой. Эти отношения казались простыми Ламарку, потому что он верил в наследование приобретенных признаков, возникающих как функция окружающей среды.

Бранжье: Это представление было отвергнуто.

Пиаже: Когда ничего не нашли в подтверждение теории наследования приобретенных признаков, неодарвинисты стали использовать в качестве объяснения случайные изменения, мутации и

Однажды феномен мышления проявит себя как гомология феномена жизни.

Энглс

тому подобное, с последующим отбором. Как будто этот последующий отбор достаточно объясняет ту точность, с которой органы животных приспособлены к окружающей среде.

Бранжье: И это не удовлетворяет Вас.

Пиаже: Да. Во-первых, применительно к психологическим эквивалентам это объяснение мне кажется невероятным. Дошло до того, что стали утверждать, будто у каждого акта познания имеется случайная отправная точка, и что наше понимание возникает в результате серии случайных шагов, из которых мы сохраняем успешные и отвергаем все остальные. Это полностью отрицает идею о внутренней необходимости в знании. Таким образом, в терминах человеческого познания и теории познания, которые меня больше всего интересуют, и даже в терминах познания у животных, т.е. поведения, я нахожу это объяснение весьма неудовлетворительным.

Бранжье: Таким образом?

Пиаже: В определенных случаях были представлены доводы, которые Ваддингтон назвал “генетической ассимиляцией”, а остальные называют “фенокопией” – замещение ненаследуемых (фенотипических) изменений на наследуемые (генотипические).

Бранжье: Только не говорите мне, что Вы снова начали работать с прудовиками спустя пятьдесят лет!

Пиаже: Мой интерес к брюхоногим моллюскам возобновился в результате того, что я открыл новую книгу Ваддингтона, “L’Evolution d’un evolution-niste” – он был настолько любезен, что прислал мне ее незадолго до своей смерти – и неожиданно обнаружил в ней целую главу о своих прудовиках.

Ваддингтон счел мои наблюдения наиболее позитивным случаем “генетической ассимиляции” в природе, как он ее называет. Этот феномен часто можно получить и в лаборатории, но в этом случае он наблюдается именно в природе. Грубо говоря, вы обнаруживаете, что особи определенного вида

*Bringuier Jean-Claude. Conversations with Jean Piaget. The University of Chicago Press. 1980. Перевод С.В. Ильиной, Д.К. Сатина. Продолжение, начало в № 2, 2000.